

по следам громких дел

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке - гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса

ДУША-ПОТЕМКИ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Душа-потемки : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-183260-5

Капитан милиции Екатерина Петровская быстро спускалась по лестнице. Ржавые перила, ржавые ступеньки... Только теперь она поняла, что сделала ужасную, непростительную ошибку: не сказала полковнику Гушину, где она и что собирается предпринять. А что она собирается предпринять? Проникнуть в закрытый, сданный на охрану универмаг, полный товаров, ночью, негласно, уже после того, как убийца пойман, изобличен уликами и сам признался в содеянном. Но как же тогда быть с тем призывом о помощи? «Ее еще можно спасти!» Кате было очень страшно. Одна в огромном магазине, где произошло столько убийств... Катя продвигалась тихо и осторожно. Она должна выяснить, какое зло таится здесь с тех самых пор, как оно осталось безнаказанным и неудовлетворенным?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-183260-5

То, что было, — никогда не вернется. То, что случилось, — не произойдет вновь.

И прошлое...

Да, конечно, это всего лишь прошлое.

Пыль...

Неоновая вывеска на фасаде — зимой и летом, в дождь, и в стужу, и в зной.

Эхо на этажах, шорох шагов по гранитной лестнице, гладкость отполированных ладонями перил.

И все эти зеркала и витрины...

Когда на них падает луч света...

И старый лифт, что гудел...

И та дверь в подсобку, что открывалась так туго...

Аромат духов — тяжелый, пряный...

Забыли название?

Ничего, вспомните. Вы все скоро вспомните. Очередь с первого на пятый этаж в обувной отдел за финскими сапогами. Очередь в парфюмерию за губной помадой... Алая... Забыли номер? Алая такая... Ничего, и это вы тоже вспомните. И даже то, как аппетитно хрустел вафельный стаканчик со сливочным мороженым.

Вон там, слева у колонны, которую потом сломали.

Там всегда стояла продавщица мороженого...

А потом ее убили, как и тех... других...

ГЛАВА 1

ПРОИСШЕСТВИЕ ИЗ СВОДКИ ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

Июль 1980 года

Оно всегда выглядело старым, это здание универмага. На перекрестке уютнейшей из московских площадей, в обжитом, засаженном тополями, плотно застроенном уголке столицы. Выпуклый фасад смотрит прямо на площадь. И буквы вывески — оранжевые, порой мигающие призывно, а порой режущие глаз своей победоносной яркостью: «Замоскворецкий». Универмаг «Замоскворецкий», его еще вся округа называет просто либо Магазин, либо Мосторг.

Вывеска вспыхивает... Как будто там, в электросети, кто-то устроил короткое замыкание, потом едва тлеет и тихо гаснет. Одновременно гаснут и фонари на площади и на Александровской улице. Четыре часа утра, но у центрального входа в Замоскворецкий универмаг много машин — черные «Волги», желтые милицейские «газики». Конечно, не так много, как было днем на Таганской площади у театра, где вся Москва собралась проводить в последний путь своего Поэта, и не так много, как там, на Ваганьковском кладбище, куда все пришли потом, и стояли, несмотря на жару, и прощались...

Прощались не только с ним, поэтом Высоцким, а еще с чем-то внутри себя, что казалось таким важным, свободным, поправшим запреты, что пело, куролесило, жаждало истины, стучалось во все

двери, такое живое, родное, свое, а затем вдруг оборвалось гитарной струной...

Лейтенант милиции Федор Гущин в свой первый рабочий день в пятнадцатом отделении милиции в шесть утра попал прямо в оцепление на Таганку, где уже собирались толпы народа и рядами выстроились автобусы и грузовики. Вечером его вместе со сводным отрядом милиции перекинули в Крылатское на канал, где шли соревнования по гребле. В Москве ведь проходили Олимпийские игры. А поздней ночью все пятнадцатое отделение милиции подняли по тревоге в связи с происшествием в Замоскворецком универмаге.

Там, на Таганке, в оцеплении... Они стояли под солнцем, в мокрых от пота милицейских гимнастерках, фуражках, не спасавших от пекла. И порой ловили на себе косые взгляды из толпы — огордили, не пускаете... выстроились в цепь, а мы все равно пройдем туда, к театру, к гробу, сомнем вас, сломаем, сплущим в лепешку, если только посмеете... если хоть кто-то из вас хоть что-то поперек — нам, против нас...

А потом, когда гроб с поэтом выплыл на руках и вся площадь затаила дыхание, готовая взорваться, кто-то всхлипнул, закрыл лицо руками.

Это был младший лейтенант милиции Елистратов, стоявший рядом с лейтенантом Федором Гущиным в оцеплении. Фуражка, погоны, серая милицейская гимнастерка — при полной выкладке, при исполнении служебных обязанностей, при всем честном народе, — этот двадцатилетний мальчишка в форме плакал, как ребенок, потерявший отца.

И какой-то пожилой мужик из толпы подошел к нему сзади и обнял за плечи и сказал: «Сынок... не надо...»

А потом еще какая-то девушка и женщина с ре-

бенком на руках... И как-то все смешалось — народ, оцепление, милиция. И не случилось никакой давки. Потому что в этот миг каждый печалился о тех, кто рядом, и боялся причинить боль.

Вечером на дежурстве в Крылатском под свист и рев трибун лейтенант милиции Федор Гушин думал о том, что видел. Есть дни... пусть даже это самый первый твой рабочий день, когда внезапно понимаешь, ради чего вообще все — твой выбор, твоя профессия, твой путь... Твой дальнейший путь.

Странно, несмотря на адскую усталость, он горы был готов свернуть. И пахать так, что... в общем, как надо, сколько надо и в сто раз больше — пахать на работе.

Но в здание Замоскворецкого универмага его не пустили. Молодой сотрудник. И вообще все пятнадцатое отделение милиции оставили в оцеплении у дверей на Александровской улице. Когда они распахивались — а внутрь проходило много народа: члены следственно-оперативной группы с Петровки, 38, из отдела по раскрытию убийств МУРа, криминалисты, прокурор города, следователи, сотрудники вневедомственной охраны, — когда двери универмага распахивались, Гушин мог разглядеть небольшой участок первого этажа. Гранитная лестница наверх с дубовыми перилами, мраморный пол, посыпанный опилками, и сразу налево — отдел парфюмерии, а за ним кожгалантерея.

Но первую жертву обнаружили не там.

Все тела были найдены на разных этажах универмага.

— Эй, лейтенант, что спишь на ходу, поддержи дверь.

Криминалисты из управления с громоздким оборудованием для видеосъемки. Японская аппаратура, говорят, в экспертном управлении и ви-

деомагнитофон имеется. Научный прогресс, во-
всю, так сказать, на службе охраны правопорядка...
так на лекциях в Высшей школе зубрили...

Двери тугие, старые еще, дубовые. Вроде широ-
кие, но открывается лишь одна половина — пра-
вая, левая на мертвом стопоре. Даже сейчас. И так
отчего-то во всех московских магазинах — в рыб-
ном на улице Герцена, в «Смене» на Ленинград-
ском проспекте, в «Детском мире» и...

— Продавщица мороженого, видимо, умерла не
сразу. Там весь пол на этаже в крови, она пыталась
вырваться, ползла к лестнице, судя по следам. Но
ее догнали. Только у нее одной ножевые раны на
теле. Двух других задушили.

Прошли внутрь, дверь закрылась. Лейтенант
Гущин оглянулся по сторонам. Улица спит, и пло-
щадь спит. И вон там, через перекресток, в Алек-
сандровских казармах, которые чаще зовут Крем-
левскими, тоже еще не играли побудку. И дом, что
напротив универмага, тоже спит мертвым сном.
Серая громада, окна в окна... Должны же они были
что-то слышать ночью... жильцы тех квартир, чьи
окна выходят прямо сюда. Ведь *они*... потерпев-
шие... должны были кричать...

— Здравия желаю.

— Вольно, лейтенант.

Высокое начальство из министерства — двое
только что вышли из остановившейся у дверей
универмага черной «Волги». Один в штатском,
другой в генеральской форме. И это в четвертом ча-
су утра, видно, еще не успел переодеться, дежурил
от руководства.

— Происшествие пройдет по сводке под гри-
фом «Совершенно секретно». Такое ЧП и в такую
ночь... С похоронами волынка такая, — тот, что в
форме, доверительно придвинулся к уху штатско-
го, — пока там, на Таганке, покойника из театра

выносили, у меня телефон в кабинете звонил не переставая — из горкома, из приемной Совмина... Помощник шефа, Щелокова, трижды... Они массовых беспорядков боятся, митингов. Олимпиада, а тут такое дело — акты гражданского неповиновения. Но по-тихому все обошлось... Японский бог, свечку хотел в церкви поставить... Да не успел — это ночное ЧП, резня в универмаге. Если под грифом «Секретно» пойдет по сводке, то завтра... нет, уже сегодня утром ляжет на стол с докладной министру, Николаю Анисимовичу... и конечно, Андропову, от чекистов все равно такое не скроешь. Ну и в горком — Гришину, это уж как водится, хозяин Москвы. А дальше не пойдет. Туда, на самый верх. Самому... ему помощники не доложат, сюда, в Замоскворецкий универмаг, сама мадам ездит... дочка Галина. И следом за ней тоже разные-всякие, сам понимаешь — свита... Адрес известный, спецсекция, как в ГУМе, и товар всегда в наличии. У директрисы здешней, Ольки Краузе, связи большие... Принцесса Галя — куда уж больше. А тут такой случай... резня... Я пока ехал в машине сюда, мне по телефону...

— Тебе что, телефон в машине установили персональный? — усмехнулся штатский. — Смотри лишнего не болтай.

— Знаю, ученый. Так вот начальник МУРа мне кратко ситуацию докладывал — по всему очевидно, это не налет, не ограбление. Кто-то один в универмаге ночью орудовал и не грабил, а убивал, понимаешь? Целенаправленно убивал, с фокусами. И если такое... такая информация в открытый доступ выплывет, завтра же по городу слухи поползут, как чума. А следом за этим головы полетят и в министерстве, и на местах.

И эти прошли, скрылись внутри. Много бы отдал лейтенант Гуцин, чтобы тоже оказаться там,